

Вернувшись в свою спальню после долгой разлуки, Чэн Цзэ почувствовала, что комната кажется ей чужой. Убрано было чисто, но слишком уж пусто и голо.

Хо Яньхуай был крайне удивлён — он никак не ожидал, что комната девушки может оказаться такой убогой.

Чэн Цзэ присела на корточки и с беспокойством спросила:

— Я заметила, ты за ужином почти ничего не ел. Еда тебе не по вкусу?

Хо Яньхуай хотел сказать, что просто не привык есть с незнакомыми людьми, но слова сами собой превратились в:

— Я уже поел дома.

Услышав это, Чэн Цзэ успокоилась. Помедлив, она собралась с духом и спросила:

— Раз уж ты сегодня ночуешь здесь... может, хочешь умыться? Если тебе неудобно, я могу... помочь тебе.

Закончив фразу, она почувствовала, как щёки сами собой заливают краска.

Хо Яньхуай отвёл взгляд и неловко кашлянул:

— Не нужно.

Чэн Цзэ тоже стало неловко. Она прикрыла ладонями пылающие щёки, поднялась и сказала:

— Тогда я пойду умоюсь первой.

Она быстро подошла к шкафу, открыла его и принялась рыться в вещах. Искала долго, но обнаружила, что там в основном лежит одежда ещё со старших классов школы. Действительно, после окончания школы она почти не возвращалась сюда, да и сегодня не планировала оставаться на ночь, поэтому даже сменной одежды с собой не взяла.

Перебрав всё, она выбрала только один сарафан на тонких бретельках — решила, что он сойдёт за ночную рубашку. Главная проблема была в том, что в университете она ещё вытянулась, так что школьные вещи стали ей малы.

Зайдя в ванную, Чэн Цзэ с удовольствием приняла душ и вышла оттуда уже в сарафане.

Когда Хо Яньхуай поднял голову и увидел её, он буквально остолбенел.

Её открытая шея и белоснежная кожа были совершенно не скрыты — и всё это ещё и с лёгким розоватым оттенком. А главное — тонкая ткань ночной сорочки просвечивала, смутно обрисовывая соблазнительные изгибы её фигуры. Одного взгляда было достаточно, чтобы разыгралось воображение и кровь закипела.

Хо Яньхуай почувствовал, как пересохло в горле, а по телу разлился жар.

Он изо всех сил попытался взять себя в руки и заставил себя опустить взгляд на пол. Но стоило ему опустить глаза — и он увидел её босые ступни.

И это было ещё не самое страшное. Самое страшное было в том, что эти прекрасные ножки шаг за шагом приближались к нему.

Хо Яньхуай по-настоящему испугался, что потеряет контроль над собой.

А Чэн Цзэ, по своему обыкновению, ничего не замечала. Подойдя, она снова присела на корточки и, подняв голову, спросила:

— В ванной есть новые принадлежности для умывания... может, тебе...

Эти слова долетали до ушей Хо Яньхуая смутно — он был совершенно не в состоянии сейчас сосредоточиться на том, что она говорит.

Она была так близко. Под таким углом он мог ясно чувствовать свежий запах её геля для душа, мог видеть, как капельки воды скатываются с её чёрных влажных волос, падают на шею, а затем скользят по шее вниз, под эту почти невесомую ткань... И совершенно естественно его взгляд упал на её пышную грудь, которая колыхалась при каждом движении...

— Что с тобой? — удивилась Чэн Цзэ. — У тебя даже шея покраснела...

С этими словами она протянула руку, чтобы пощупать его лоб.

Хо Яньхуай отшатнулся, будто его ударило током.

Чэн Цзэ испугалась:

— Что случилось?

— Ничего, — быстро ответил Хо Яньхуай, разворачивая инвалидное кресло. Бросив на ходу: — Пойду умоюсь, — он заехал в ванную и закрыл за собой дверь.

Чэн Цзэ всё ещё немного волновалась. Она подошла к двери ванной и прислушалась, не

понадобится ли ему помощь.

А в ванной Хо Яньхуай уже начал успокаивать себя руками. За все эти годы он ни разу не терял контроля над собой так сильно.

Он даже не мог понять, почему его так сильно разрывает изнутри.

Если бы он немедленно не дал выход этому напряжению, он не знал, что мог бы сделать в следующую секунду.

Через полчаса Чэн Цзэ забеспокоилась и постучала в дверь:

— Если что-то понадобится, обязательно позови меня.

Вот это было по-настоящему убийственно. Нужда и правда была, вот только позвать её он никак не мог. В голове тут же всплыл тот соблазнительный полуобнажённый силуэт, и в воображении мгновенно родилась тысяча фантазий. Только что немного утихший огонь желания вспыхнул с новой, неистовой силой.

Неизвестно, сколько времени прошло. Чэн Цзэ на кровати уже успела из сидячего положения перейти в лежащее и чуть не заснула.

Только тогда Хо Яньхуай наконец вышел из ванной.

Чэн Цзэ подумала, что он просто задержался из-за неудобной ноги, и ничего не заподозрила. Она поспешно встала и пошла ему навстречу, наклонившись:

— Уже поздно. Может, я помогу тебе лечь в кровать?

В глазах Хо Яньхуая мелькнул испуг.

Чэн Цзэ тут же поняла:

— Или ты ложись на кровать, а я на полу.

— Не нужно, — холодно ответил Хо Яньхуай. — Иди спать.

Само собой, Чэн Цзэ не могла просто так лечь спать и оставить его. Она попыталась найти тему для разговора:

— Ты, наверное, ещё не хочешь спать? Тогда давай поболтаем, хорошо?

Хо Яньхуай не был против.

— О чём же нам поговорить? — задумалась Чэн Цзэ.

— Давай о тебе, — предложил Хо Яньхуай.

— Обо мне? — Чэн Цзэ была несколько удивлена. Она тут же уселась прямо на пол, прислонившись к подлокотнику его коляски. Подумав немного, начала: — Если честно, обо мне особо и рассказывать нечего. Ты и так знаешь: та женщина, что сейчас замужем за моим отцом, — не моя родная мать. Она мне мачеха.

— А твоя... — Хо Яньхуай хотел спросить, но не решился быть слишком прямолинейным.

Чэн Цзэ, впрочем, не возражала:

— Хочешь спросить про мою биологическую мать? Я, честно говоря, и сама не знаю. Говорят, она ушла сразу после того, как родила меня. Почему ушла — я тоже не знаю. Я несколько раз спрашивала отца. Если собрать всё воедино, получилось примерно следующее. Моя мать была первой любовью моего отца. Они очень любили друг друга, но родители отца были категорически против. Тогда моя мать, убитая горем, ушла одна. Но спустя год она внезапно вернулась — с ребёнком, то есть со мной — на руках.

Хо Яньхуай внимательно слушал.

— Говорят, они встретились на вокзале. Мать тогда была очень слаба и сразу же упала в обморок, как только увидела отца. Он отвёз её в больницу.

— Когда она пришла в себя, отец стал спрашивать, я ли его ребёнок. Мать ничего не ответила, только заплакала. И отец в тот миг всё понял.

— Что понял? — переспросил Хо Яньхуай.

— Понял, что я — его дочь! — с само собой разумеющимся видом ответила Чэн Цзэ.

Хо Яньхуай нахмурился — ему показалось, что здесь что-то не так. Он продолжил расспрашивать:

— А что было потом?

— А потом, по неизвестной причине, на следующий же день мать тихо ушла, оставив меня одну в больнице.

Это показалось ещё более странным. Хо Яньхуай с недоумением спросил:

— Почему она ушла?

— Не знаю. Потом её искали, но так и не нашли. Отец предполагает, что за тот год, пока её не было, она, рожая и воспитывая меня одна, перенесла много лишений. С ребёнком на руках она не могла работать, и, видимо, совсем не могла меня прокормить, поэтому вынуждена была вернуть меня отцу.

— Но она могла бы и не уходить, а остаться жить вместе с твоим отцом, — возразил Хо Яньхуай.

— Я тоже не знаю. Отец всё ещё считает, что из-за яростного сопротивления моих бабушки и дедушки в прошлом у матери образовалась глубокая психологическая травма. Она решила, что они никогда не смогут быть вместе, и поэтому тихо ушла.

Это было совсем уж нелогично. Раз уж появился ребёнок, всё должно было измениться. Не попытаться даже сделать самый простой шаг — просто уйти... Скорее всего... Хо Яньхуай решил говорить прямо:

— А твой отец тогда делал тест на отцовство?

Чэн Цзэ опешила. Она считала это само собой разумеющимся:

— Конечно, делал! Они же как раз были в больнице. Как можно было не сделать?!

Но, говоря это, она сама начала сомневаться. Однако тут же передумала:

— Не может быть, я точно родная дочь. Ты даже не представляешь, как мои бабушка с дедушкой меня ненавидят. Если бы они считали, что с моим происхождением что-то не так, они бы давно вышвырнули меня вон. Ни за что бы не оставили.

Хо Яньхуай думал иначе. А что, если они тебя ненавидят именно потому, что считают твоё происхождение сомнительным? Но вслух он этого говорить не стал.

Чэн Цзэ не хотела заикливаться на этом вопросе и, не удержавшись, снова принялась жаловаться:

— А потом мой отец женился на моей мачехе. Она согласилась вместе воспитывать меня, но на самом деле обращалась со мной очень плохо. Особенно после того, как родилась Чэн Нин. Она относилась ко мне как к врагу, постоянно била меня. Помню, что меня били даже в средней школе. Я так её ненавижу... И Чэн Нин тоже...

Тут она совсем разгорячилась:

— Ты знаешь, какая она противная? Мы с ней ходили в один детский сад, одну начальную и одну среднюю школу. Каждый раз, когда мы переходили в новую школу, она везде распускала слухи. Говорила, что я — незаконнорождённая, что моя мать родила меня и сбежала с другим. Из-за этого все одноклассники смотрели на меня с предубеждением, и никто не хотел со мной дружить.

Хо Яньхуай не знал, как её утешить.

Но она и не нуждалась в утешении. Чуть погодя она снова повеселела:

— Но в старших классах всё наладилось. Я хорошо училась и поступила в лучшую школу в Линнани. Чэн Нин училась плохо и не поступила. С тех пор мы перестали учиться в одной школе, и у неё больше не было возможности распускать обо мне слухи. Потом я вообще стала жить в интернате, приезжала домой только раз в неделю. Держалась подальше от семьи, и мне стало по-настоящему хорошо.

Хо Яньхуай почувствовал облегчение.

— А потом я поступила в лучший университет Линнани. После того как я начала учиться там, я вообще перестала возвращаться домой. Полностью избавилась от семьи. Чувство такое, будто нет ничего лучше, ничего приятнее.

Хо Яньхуай не удержался и спросил:

— А твой отец? Когда мачеха тебя била, он разве не вмешивался?

При упоминании об этом Чэн Цзэ разозлилась, но в то же время почувствовала бессилие:

— Вмешивался. Но его способ вмешательства заключался в бесконечных уступках и заискивании. Это не только не помогало, но и делало мачеху ещё наглее... Эх, мой отец — такой человек. Вот, например, в этот раз, когда мачеха схватилась за нож...

Тут она резко осеклась и замолчала, потому что не была уверена, знает ли Хо Яньхуай об этом случае. К тому же семейный позор не стоит выносить на люди.

Хо Яньхуай, конечно, знал, но не стал углубляться.

— ...Короче говоря, мой отец — такой. Добряк, который хочет, чтобы все были довольны, а в итоге недовольны все.

Хо Яньхуай больше ничего не сказал.

Чэн Цзэ и так уже клонило в сон. Разговаривая, она начала клевать носом. Сквозь дрему она из положения прислонившись к подлокотнику коляски перешла в положение, когда её голова лежала у него на коленях.

Хо Яньхуай некоторое время смотрел на неё, а потом сказал:

— Иди спать на кровать.

Чэн Цзэ уже совсем сморило. Она послушно встала и, шатаясь, рухнула на кровать, тут же провалившись в сон.

Хо Яньхуай вздохнул с облегчением, решив, что теперь они спокойно проведут остаток ночи.

Но стоило ему поднять голову, как он увидел, что женщина, уже крепко спящая на кровати, начала ворочаться. А тонкая, как крыло цикады, ночная сорочка начала сантиметр за сантиметром задирается вверх.

Едва потушенное пламя желания вспыхнуло вновь — с грохотом, с новой силой, и было уже не остановить.

Хо Яньхуай не выдержал. Он поднялся и ринулся в ванную, где встал под холодный душ. Но вода не смогла погасить бушующий в теле огонёк. Делать было нечего — пришлось снова успокаивать себя руками.

<http://bllate.org/book/18676/1804352>